

аном и Равес-
иает наиболее
ую и антило-
е чего между
иков стирает-

Бергсоном, сво-
представляет
ния, диамет-
ектуальному
тивным и ин-
де всего за-
теллектуаль-
ление между
ется»; интуи-
ние, при ко-
актом, по-
наче говоря,
ивостоит объ-
и гносеоло-
зон не отри-
ции неприми-
ния и проти-
по его мне-
вством того,
цествует.

он требует
«болезненно-
сон,—чтобы,
закруг себя,
единое с ак-
торое мы мо-
лее несколь-

тря на свою
ософу самые
а нашу лич-
занимаемое
ше происхо-
ше назначе-
цающий, но
мрак ночи,
». Мгновен-
ным богат-
ий или мыс-
ю жизнь на
нократного
исчерпать

я от обыч-
ним «беско-
олной неза-
енения его.
стности ха-
интуиции.
«видеть сам
естествен-
пособность,
избранные
Бергсона, от-
х сознания
Очень род-
знание (см.
я тем, что
логический
е познание,
пособ непо-
ния свойстве
лтокрытый
т его нерв-
удто бы он
ождение,—
ю» познает

их в момент самого действия—актом симпатии. Инстинкт следовательно так же, как и интуиция, дает «бессознательное знание», т. е. такое знание, которое не сопровождается мышлением. От интуиции инстинкт однако отличается своим утилитарным характером и ограниченностью сферы своей познавательной деятельности.

Интуитивизм Бергсона несмотря на свое пышное модернизированное одеяние является глубоко реакционным течением, поворачивающим философскую мысль вспять к средневековому мистицизму. И. является одним из ярчайших проявлений упадочной идеологии современной буржуазии, все более и более осознающей, что дальнейшее развитие науки и техники уже не может способствовать укреплению и развитию капитализма, а лишь его скорейшей гибели. И. кроме того имеет своим социальным предназначением создать новую философскую базу для укрепления религиозных, мистических и националистических предрассудков, широко используемых буржуазией для затемнения классового самосознания пролетариата. Этим объясняется то, что интуитивная философия встречает горячие симпатии со стороны религиозных мыслителей (Ле-Руа, Блондель) и идеологов фашизма (Муссолини, Джентиле и др.). На самом же деле интуитивизм Бергсона, который пытается его обосновать новейшими научными данными, представляет собой совершенно искусственную, произвольную конструкцию. Интуитивного познания в таком смысле, как его понимает Бергсон, фактически не существует, ибо нет и не может быть такого познавательного акта, в котором отсутствовали бы познающий субъект и познаваемый объект. Поэтому все усилия бергсоновской интуитивной метафизики по сути дела сводятся к заранее обреченной на неудачу попытке обосновать мистическую формулу, что незнание есть высший род знания (*docta ignorantia*—ученое незнание).

Бергсон пытается охарактеризовать интуицию как своеобразный психологический процесс, свободный от всякого рода логических элементов. Но такого внутреннего переживания, к-рое было бы отгорожено непроницаемой стеной от логического мышления, в природе не существует. И сам Бергсон, хотя и считает интуицию невыразимой и необъяснимой, все же вынужден приписать ей целый ряд логически мыслимых предикатов (непосредственность, неуловимость, противоположность мышлению и т. д.), противореча тем самым основным предпосылкам своей интуитивистич. философии.

Не выдерживает критики также утверждение Бергсона, что интуиция может быть понята как познание совершенно беспредпосылочное и непосредственное. Уже Гегель в своей критике Шеллинга с большой убедительностью показал, что «непосредственность знания не только не исключает его опосредствования, но даже, наоборот, они так связаны друг с другом, что непосредственное знание представляет собой как-раз продукт и результат опосредствованного знания» (Гегель, Энциклопедия философских наук, ч. 1—Логика, § 66).—Интуитивизм Бергсона оказал большое влияние на *синдикализм* (см.), особенно в лице одного из крупнейших его теоретиков—*Сореля* (см.), давая методологическое обоснование анархосиндикалистским принципам.

Бергсон пользовался известным влиянием и в русских философских кругах. Наиболее

видным учеником Бергсона в России являлся проф. Н. Лосский, пытавшийся соединить И. с платонизмом.

За последние годы И. получил широкое распространение в буржуазной философии, особенно в философии герм. фашизма, использующего И. наряду с *иррационализмом* (см.) для наступления на науку и поддержки мистики и поповщины. Неогегельянство (Кронер и др.), являющееся почти-что официальной философией немецкого и итальянского фашизма, усиленно проповедует И., стремясь изобразить интуитивистом и иррационалистом даже такого сторонника логического мышления, как Гегель.

Лит.: Труды А. Бергсона, переведенные на рус. яз.: Творческая эволюция, изд. «Русская мысль», СПб, 1914; Непосредственные данные сознания, Собр. соч., т. II, изд. Семенова, СПб, 1914; Введение в метафизику, там же, т. V; Восприятие изменчивости, там же, т. IV; Длительность и одновременность, изд. «Academia», П., 1923; Философская интуиция, в кн.: Новые идеи в философии, Сб. № 1, СПб, 1912. О Бергсоне: Лосский Н., Интуитивная философия Бергсона, П., 1922; его же, Обоснование интуитивизма, 2 изд., СПб, 1908; Кронер Р., Философия творческой эволюции, «Логос», М., 1910, кн. 1; Гранжан Ф., Революция философии (Учение А. Бергсона), М., 1913.

Л. Герман.

ИНТУИТИВНОЕ ПРАВО, в концепции психологической школы права—право, основание к-рого заложено в самих психических переживаниях человека. И. п. противопоставляется этой школой положительному праву, основанному на законе и обычае. См. *Психологическая школа права*.

ИНТУИЦИОНИЗМ, направление в современной буржуазной философии математики, возглавляемое голландским ученым Броуэром (L. E. J. Brouwer) и швейцарским ученым Вейлем (H. Weyl). С точки зрения И. только те математические объекты имеют право называться существующими, к-рые фактически реализованы человеческим сознанием. Говорить о существовании объекта в сознании, имея в виду только возможность его реализации, равно как и говорить о существовании объекта вне нашего сознания с точки зрения И. не имеет никакого смысла.

И. делает из этого тезиса выводы, к-рые легче всего проследить на конкретном примере. Возьмем число π и спросим себя, существует ли в его разложении в десятичную дробь такая группа идущих под ряд десяти знаков, к-рая состоит из одних нулей. Это неизвестно. Применяя логический принцип исключенного третьего, мы можем высказать только такое утверждение: «Или в разложении числа π в десятичную дробь группа из десяти нулей под ряд существует или ее существование невозможно». Но если существует только то, что фактически реализовано человеческим сознанием, то названное утверждение нельзя признать верным. В самом деле, тогда суждение «группа из десяти нулей под ряд существует» может означать только то, что человеческому мышлению доступен способ ее как-то обнаружить. Суждение же «существование группы из десяти нулей под ряд невозможно» может означать только то, что человеческому мышлению доступен способ опровергнуть предположение о существовании такой группы, приводя это предположение к противоречию. И нельзя заранее утверждать, что или то или другое непременно должно быть в пределах человеческого мышления.

И. делает из этого последовательный вывод, что логический принцип исключенного третьего не всегда применим и требует изгнания из мате-

матики утверждений о существовании тех или иных объектов всякий раз, как такое утверждение произносится на основании одного только принципа исключенного третьего без фактической реализации объекта, о существовании к-рого идет речь.

И. легко решается на такие безусловные запреты, потому что ему по существу чуждо понимание того, что и законы формальной логики являются концентрированным отражением (хотя и извращенным, «огрубленным») в сознании человека исторического опыта, накопленного деятельностью всего человечества. И. не дает соответствующего этому диалектического анализа принципа исключенного третьего, а отрицает его формально. Таким образом в логике, в силу своих последовательно идеалистических установок, И. идет по существу не по пути от формальной логики к логике диалектической, а по пути оскудения научной методологии. В силу этого И. вынужден жертвовать основными органическими частями современной математики, создавая т. о. кризис ее основ. И. не только представляет собой кризис основ математики, но и сознает себя как кризис. Броуэр и Вейль с большой настойчивостью отрицают объективную ценность основных достижений математического анализа. Интуиционизм есть проявление в математике идеализма, ставшего агрессивным и стремящегося подчинить себе науку со всей ее проблематикой и методами.—См. также *Формализм*, являющийся реакцией против И.

Лит.: Heyting A., *Mathematische Grundlagenforschung*, Berlin, 1934 [дана подробная литература]; Вейль Г., *О философии математики*, М.—Л., 1934. Критика И.: Яновская С., *Идеализм в современной философии математики*, в сб.: *На борьбу за материалистическую диалектику в математике*, Гос. научно-техн. изд-во, М.—Л., 1931; Гливиенко В., *Кризис основ математики на современном этапе его развития*, «Фронт науки и техники», М., 1934, № 5—6. В. Гливиенко.

ИНТУИЦИЯ (от лат. *intueri*—глядеть), в идеалистической философии (а также у некоторых материалистов—Спинозы) непосредственное познание, получаемое путем простого созерцания без помощи логических суждений и доказательств. В истории философии и психологии мы можем найти различное истолкование и понимание И., однако общей чертой всех теорий И. является противопоставление И. как непосредственного познания дискурсивному (или рассудочному) мышлению, как познанию логическому, опосредствованному понятиями. Диалектический материализм отвергает отделение непроницаемой стеной непосредственного познания от опосредствованного. Для диалектического мышления непосредственность знания отнюдь не исключает его опосредствования. Абсолютно непосредственного знания, свободного от опосредствования суждениями и понятиями, не существует. В связи с этим диалектический материализм не признает И. как особой формы познания.

Все теории интуитивного познания можно разделить на две основные группы: 1) теории, понимающие интуицию как способ познания, практически применяемый всеми людьми, и 2) теории, считающие интуицию особым, высшим родом познания, доступным лишь исключительным личностям (выдающимся философам, ученым, художникам, мистикам) и притом не всегда, а в минуты духовного просветления или озарения. Существуют также и теории, занимающие промежуточное положение между этими двумя группами.

Понимание И. как нормального способа познания мы находим у Декарта, Локка, Лейбница и у представителей т. ч. «Шотландской школы»—Шефтсбери, Гутчесона и др. Декарт понимал под И. непосредственное усмотрение каждым из нас очевидных истин, не нуждающихся в доказательстве. «Всякий из нас,—писал он,—может интуитивно постигнуть, что он существует и мыслит, что треугольник ограничивается тремя линиями, что шар имеет только одну поверхность, и другие подобные им истины». К этой концепции близко примыкали Локк и Лейбниц. «Если мы станем размышлять о своих способах мышления,—говорит Локк в своем «Опыте о человеческом разуме»,—то найдем, что иногда душа воспринимает соответствие или несоответствие двух идей непосредственно от них самих, без вмешательства каких-нибудь идей..., ибо душа не нуждается при этом в доказательстве либо изучении, но воспринимает истину, как глаз воспринимает свет, через одно направление на нее».

Несколько иной смысл вкладывали в понятие И. Шефтсбери и Гутчесон. Они считали, что моральное и эстетическое чувства не могут быть поняты дискурсивным мышлением и познание, которое они нам дают, является непосредственным восприятием или простой И. И. следовательно понималась ими как особый род познания, не имеющий никакого сходства с рассудочным познанием. Идеи Шефтсбери и Гутчесона были восприняты и развиты Ж. Ж. Руссо и через него оказали известным образом влияние на Канта (что отразилось на его «Критике способности суждения») и в особенности на Якоби, причем у последнего понимание И. принимает уже довольно ясно выраженный мистический колорит. По учению Якоби, человек обладает двумя основными способностями: рассудком и И. Рассудок не может доказать наличие бога, а внутренняя И. не оставляет на этот счет никаких сомнений; рассудок разрушает веру в свободу, а И. считает свободу бесспорным фактом; рассудок сводит природу к явлениям, а непосредственное восприятие (И.) вскрывает ее целостную реальность.

Совершенно законченный мистический характер И. приобретает у Шеллинга, на мировоззрение к-рого оказало большое влияние учение Плотина. Учение Шеллинга (а также непосредственно Плотина) оказало в свою очередь влияние и на французскую философию. К видным философам 19 и 20 вв., воспринявшим мистическое учение об И., относятся: Менде-Биран, Равессон, Бутру и Бергсон. Мистическая И., по учению философского родоначальника мистики—Плотина,—это особый род познания, посредством к-рого душа познает истинное бытие «Я», редкие моменты мистического экстаза, когда она освобождается от материальных пут и возвращается в лоно бесконечного разума.

Плотиновское понимание И. лежит в основе позднейших мистических учений. Французский философ-идеалист Делакруа следующим образом характеризует мистическую И.: «Интуиция состоит в известного рода экзальтации, которая связана с уничтожением чувства обыкновенного Я... В интуиции душа есть то, что она знает, и знает она то, что она есть... Отсюда трудность уложить эту интуицию в определенные формы чувства и познания. Она вовсе не есть познание, если понимать под этим словом